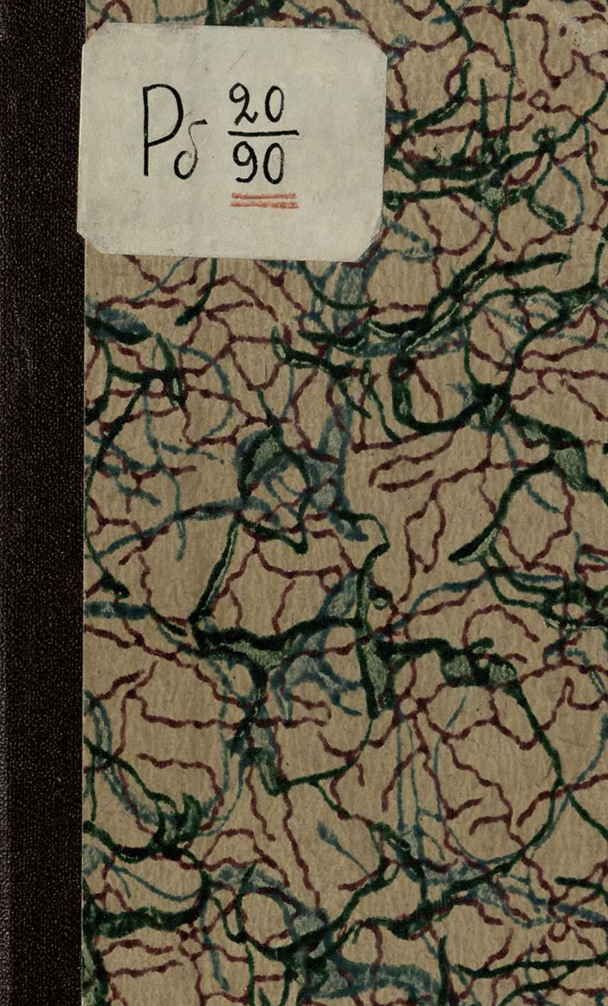
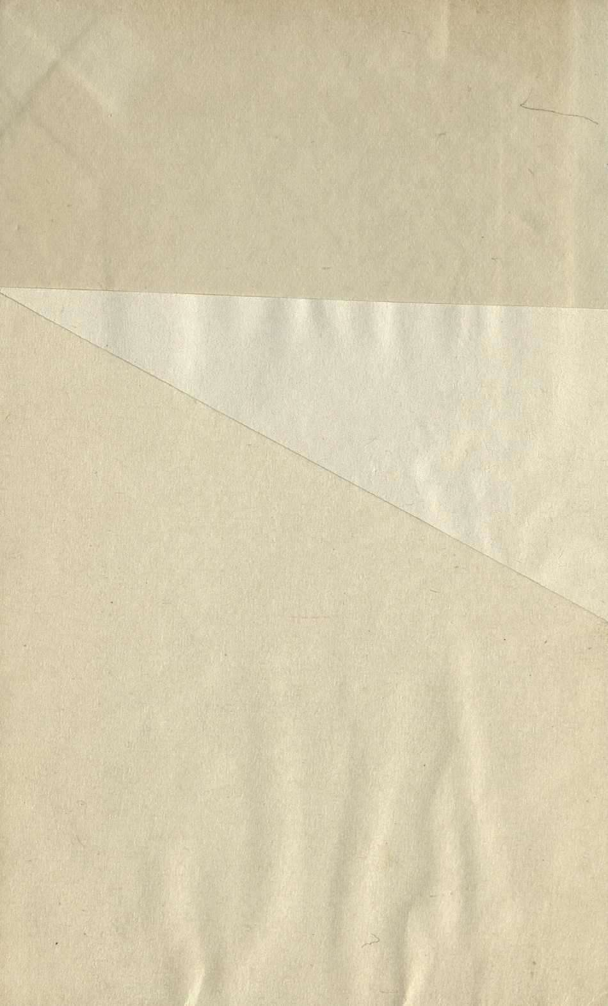
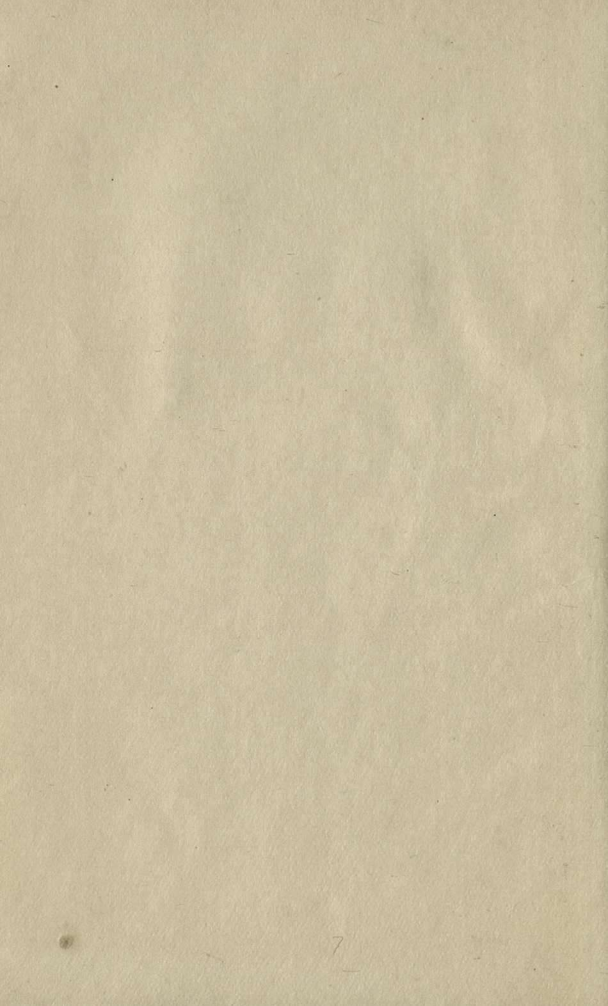

Рб 20/90

НАРОДНОЕ ДѢЛО

РОМАНОВЪ, ПУГАЧЕВЪ, ИЛИ ПЕСТЕЛЬ?

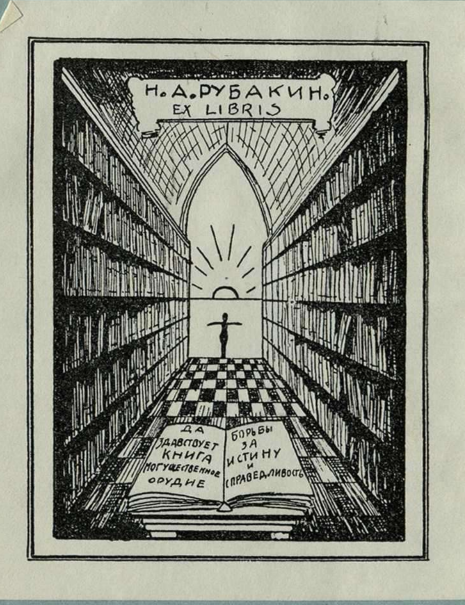
М. БАКУНИНА.

PRICE SIXPENCE.

ЛОНДОНЪ

TRÜBNER & Co., PATERNOSTER ROW, E. C.

1862.

Н. А. РУБАКИН.
EX LIBRIS
ДА
ЗДРАВСТВУЕТ
КНИГА
МОГУЩЕСТВЕННОЕ
ОРУДИЕ
БОРЬБЫ
ЗА
ИСТИНУ
И
СПРАВЕДЛИВОСТЬ

НАРОДНОЕ ДѢЛО.

РОМАНОВЪ, ПУГАЧЕВЪ ИЛИ ПЕСТЕЛЬ?

М. БАКУНИНА.

PRICE SIXPENCE.

ЛОНДОНЪ
TRÜBNER & Co., PATERNOSTER ROW, E. C.
1862.

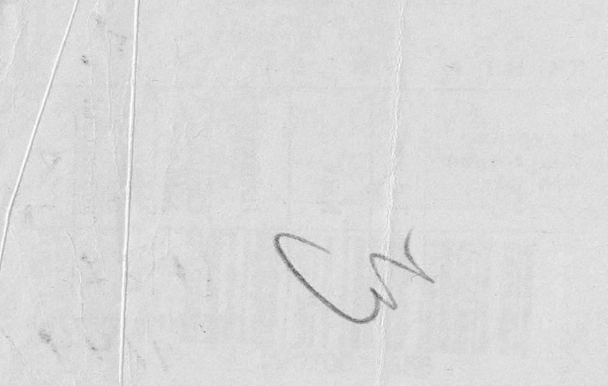

2020075356

1.

КНИГА ИМЕЕТ

Печатн. листов	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	195 г.
3						И	67	

627/~~16—250~~ тыс.
1144

НАРОДНОЕ ДѢЛО.*

РОМАНОВЪ, ПУГАЧЕВЪ ИЛИ ПЕСТЕЛЬ?

Времена—что-ни день—становятся серьезнѣе. Наступила и для русскихъ пора дѣла. Замолкъ праздный шумъ упоенной собою литературы. Подъ гнетомъ современныхъ и еще болѣе грозныхъ будущихъ обстоятельствъ, ожидаемыхъ и предвидимыхъ всѣми, люди наименѣе серьезные, наиболѣе развращенные болтовнею литературною, призадумались.—Полно болтать, опасно болтать, преступно болтать. Вѣдь дѣло идетъ о спасеніи себя, семьи, имущества, о спасеніи Россіи отъ кровавыхъ несчастій, отъ конечнаго раззоренія. Всякій долженъ теперь размыслить серьезно и свои политическія вѣрованія и свое положеніе, а размысливъ рѣшиться: *куда, къ чему, съ кѣмъ и за кѣмъ идти?*

* Дошло до моего слуха, что мнѣ приписываютъ какія-то прокламаціи, недавно появившіяся въ Россіи. Считаю нужнымъ объявить, что кромѣ одной статьи въ "Колоколѣ" я ничего не печаталъ не писалъ.

Теперь только наступаетъ въ Россіи время дѣйствительнаго образованія и развитія партій. Нѣсколько мѣсяцовъ тому назадъ очень много людей не знали еще сами, къ какому они принадлежатъ лагерю. Было, правда, много ученыхъ раздѣленій и подраздѣленій въ теоріи, но на практикѣ они не разъединяли людей, потому что не было ясно опредѣленной практической цѣли. Болтливо-шумною толпою стремились всѣ впередъ, на свободу, иные по убѣжденію, другіе по инстинкту, третьи по модѣ, а наконецъ остальные изъ страха, и казалось, что въ этой толпѣ все единомышленники и братья. Но вотъ засвѣтилось первое, слабое зарево тѣхъ пожаровъ, которыми грозитъ, можетъ быть, кровавая *русская* революція, и замолкъ гулъ праздной толпы. Она пріутихла.— Пожары были совершенно случайны; такіе пожары—обыкновенное, почти періодическое явленіе въ Россіи. Но возбужденныя политическія страсти, а главное подлый страхъ, скрывающійся нерѣдко за нашимъ шумливымъ геройствомъ, придали нынѣ петербургскимъ пожарамъ другое значеніе. Правительство первое дало примѣръ. Оно нашло полезнымъ

обвинить въ поджогѣ передовую молодежь и распространить эту клевету между народомъ, дабы возбудить его противъ студентовъ. Въ прежнее время никто изъ литературствующей, порядочной публики не смѣлъ-бы присоединить своего голоса къ клеветливому воплю изъ-умавонъ испуганной власти. Того-бы не потерпѣло общественное мнѣніе, которое, даже при самомъ Николаѣ, умѣло клеймить продажную литературу и литераторовъ третьяго отдѣленія. Теперь имъ лафа. Пользуясь общимъ испугомъ публики, непривыкшей еще къ общественнымъ потрясеніямъ, знакомой только съ болтовней, а не съ дѣломъ, они смѣло подняли свое знамя. А для того чтобъ не испугать слабыхъ людей излишнею откровенностью, они написали на немъ слово "*Прогрессъ*", искусно прикрывая клевету и доносъ недорогими либеральными фразами. И нѣтъ сомнѣнія, что они пріобрѣтутъ на первое время, но только на короткое время, значительную популярность. Николаевскій періодъ развилъ въ Россіи очень много дряблыхъ душъ, безъ страсти въ сердцѣ, безъ живой мысли въ головѣ, но съ великолѣпными фразами на языкѣ. Этимъ людямъ въ послѣд-

нее время становилось между нами неловко. Они чувствовали, что дѣло доходитъ до дѣлъ, до жертвы... Ихъ много, и они всѣ пойдутъ подъ доктринерское знамя, подъ сѣнь благодушащаго правительства. Благо, отступленіе открыто и для измѣны есть благовидный предлогъ, а для прикрытія ея великодушная фраза: "мы стоимъ за цивилизацію противъ варварства," то есть за нѣмцевъ противъ русскаго народа.... Чтожъ, съ Богомъ, идите! Намъ остается пожелать вамъ добраго пути, да успѣховъ на новомъ поприщѣ. Только смотрите, не ошибитесь въ расчетѣ: случалось не рѣдко, что тѣ зданія, подъ которыми люди скрывались отъ бури, бывали первыя поражены громомъ.

Очистившись отъ старыхъ друзей, сомнительныхъ и слабонервныхъ, мы стали сильнѣе. Намъ нужны теперь люди, которые до конца были-бы преданы *народному дѣлу*, и на которыхъ поэтому можно было-бы расчитывать, ибо теперь наша партія окончательно стала партіею дѣла. А наше дѣло—служить революціи.

Многіе еще разсуждаютъ о томъ, будетъ-ли въ Россіи революція или не будетъ? не замѣчая того, что въ Россіи уже *теперь* революція.

Она началась послѣдовательно, широко проникла во всѣ составы умирающаго отъ дряхлости государства и возобновляющейся общественной жизни; она царитъ во всѣхъ, вездѣ и во всемъ, дѣйствуетъ руками правительства еще успѣшнѣе даже, чѣмъ усиліями своихъ приверженцевъ, и не успокоится, не остановится до тѣхъ поръ, пока не переродитъ русскаго міра, пока не воздвигнетъ и не создастъ новаго славянскаго міра.

Династія явно губитъ себя. Она ищетъ спасенія въ прекращеніи, а не въ поощреніи проснувшейся народной жизни, которая, еслибъ была понята, могла-бы поднять царскій домъ на невѣдомую доселѣ высоту могущества и славы. Но гдѣ высота, тамъ и бездна, и непонятая, оскорбленная, разъяренная смѣшными попытками пигмеевъ удержать ея непреклонно-логическое теченіе, таже народная жизнь можетъ сбросить его, со всѣми его нѣмецкими совѣтниками и доморощенными доктринерами, со всею бюрократическою и полицейскою сволочью, въ бездонную пропасть... А жаль!

Рѣдко царскому дому выпадала на долю

такая величавая, такая благодатная роль. Александръ II могъ-бы такъ легко сдѣлаться народнымъ кумиромъ, первымъ русскимъ земскимъ царемъ, могучимъ не страхомъ и не гнуснымъ насиліемъ, но любовью, свободою, благоденствіемъ своего народа. Опираясь на этотъ народъ, онъ могъ-бы стать спасителемъ и главою всего славянскаго міра. Для этого не нужно было ни генія, ни даже той макіавелистической науки, которою такъ искусно и такъ усиленно держатся другіе. Нужно было только широкое, въ благодушіи и въ правдѣ крѣпкое русское сердце. Вся русская, да вся славянская живая дѣйствительность просилась ему въ руки, готовая служить пьедесталомъ для его историческаго величія. Самое царствованіе отца, гибельное для Россіи и для Славянъ во всѣхъ отношеніяхъ, должно было служить ему наукою и вмѣстѣ отрицательною рекомендаціею въ глазахъ народовъ. Николай душилъ Польшу; Александръ долженъ былъ освободить Польшу со всѣмъ, что хочетъ быть Польшей. Онъ долженъ былъ сдѣлать это и по справедливости, и для освобожденія Россіи отъ ненужной тяготы и отъ еще менѣе нужнаго безчестья, и

для того чтобъ, освободившись разъ на всегда отъ нѣмцевъ, открыть себѣ широкія ворота въ славянскій міръ. Николай довелъ до крайняго безумія систему петровскую, систему отрицанія и придушенія народа во имя нѣмецкаго государства; онъ до того напрягъ искуственныя силы этого государства, что оно надломилось и треснуло, убивъ его самого. Александръ долженъ-бы былъ почувствовать, что безобразное зданіе, стоившее милліоновъ человѣческихъ жертвъ, потоковъ и своей и чужой крови, держаться долѣе не можетъ, и что никакихъ силъ не достанетъ удержать его отъ конечнаго паденія. На развалинахъ петровскаго государства можетъ существовать только Россія Земская, живой народъ. Для народа нужно было расчистить мѣсто.

Казалось сначала, что Александръ II понималъ свое назначеніе, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ Россіи, потому что въ Польшѣ онъ съ перваго раза тремя словами испортилъ все свое положеніе. И сколько преступленій, сколько несчастій, сколько безчестія для насъ и кровавыхъ жертвъ для Поляковъ вытекло изъ этихъ трехъ словъ: "Point de rêveries!"

Теперь всякій можетъ рѣшить, кто безумно, преступно мечталъ: Поляки или Александръ Николаевичъ?

Его начало въ Россіи было великолѣпно. Онъ объявилъ свободу народу, свободу и новую жизнь послѣ тысячелѣтняго рабства. Казалось, онъ хотѣлъ *земской Россіи*, потому что въ государствѣ петровскомъ свободный народъ не мыслимъ. 19 Февраля 1861 года, не смотря на всѣ промахи, недостатки, уродливыя противурѣчія и неменѣе безобразныя тѣсноты указа объ освобожденіи крестьянъ, Александръ II былъ самымъ великимъ, самымъ любимымъ, самымъ могучимъ царемъ, который когда либо царствовалъ въ Россіи. Но онъ такъ мало понималъ это, такъ мало зналъ, чувствовалъ душу народную, онъ до такой степени нѣмецъ, что въ этотъ самый день, торжественнѣйшій изъ торжественныхъ дней въ русской исторіи, онъ прятался въ своемъ дворцѣ и окружалъ себя караулами, боясь народнаго бунта. Видно— совѣсть была не чиста, видно—онъ замышлялъ не доброе, видно—онъ не хотѣлъ дать настоящей свободы народу, который вѣрилъ, да и все еще вѣритъ въ него до безумія.

И въ самомъ дѣлѣ не была чиста совѣсть. Александръ II и не мыслилъ о свободѣ народа. Она была-бы противна всѣмъ инстинктамъ его. Нѣмецъ никогда не пойметъ и не полюбитъ земской Россіи; и въ то самое время, какъ русскій народъ ждалъ отъ него новой жизни, онъ вмѣстѣ съ совѣтниками своими думалъ только о томъ, какъ-бы укрѣпить, возстановить и если можно расширить двухвѣковую причину русской безжизненности, народоненавистное тюремное зданіе петровскаго государства. Задумавъ гибельное, невозможное, онъ губитъ себя и свой домъ, и готовъ ввергнуть Россію въ кровавую революцію. Генія Петра Великаго не достало-бы теперь на такое дѣло, а онъ предпринялъ его.

Отсутствіемъ русскаго смысла и народолюбиваго сердца въ царѣ, безумнымъ стремленіемъ удержать во что-бы ни стало петровское государство, объясняются вполнѣ и всѣ противорѣчія указа объ освобожденіи, и столь-же раззорительная, сколь и опасная нелѣпость переходнаго состоянія, и безчеловѣчно-глупое стрѣляніе по невиннымъ крестьянамъ въ разныхъ губерніяхъ, и объявленіе царя народу,

что не будетъ ему другой воли, и студенческія исторіи, и заключеніе въ крѣпость тверскихъ дворянъ, и упорное желаніе правительства сохранить сословіе дворянское на перекоръ волѣ самаго дворянства, и теперешній терроризмъ, и наконецъ послѣднее слово: Липранди! Липранди, убитый общимъ презрѣніемъ, воскресъ. Онъ зовется на помощь — онъ будетъ спасать Россію!... Жребій брошенъ. Для Александра II, кажется, нѣтъ болѣе возврата на другую дорогу. Не мы, онъ главный революціонеръ въ Россіи, и да падетъ на его голову кровь, которая прольется!

А онъ, и только онъ одинъ, могъ совершить въ Россіи величайшую и благодѣтельнѣйшую революцію, *не проливъ капли крови*. Онъ можетъ еще и теперь; если мы отчаяваемся въ мирномъ исходѣ, такъ это не потому, чтобъ было поздно, а потому, что мы отчаялись наконецъ въ способности Александра Николаевича понять единственный путь, на которомъ онъ можетъ спасти и себя и Россію. Остановить движеніе народа, пробудившагося послѣ тысячелѣтняго сна, невозможно. Но еслибъ царь сталъ твердо и смѣло во главѣ самаго движенія,

тогда-бы его могуществу на добро и на славу Россіи не было-бы мѣры. На этомъ пути опасности нѣтъ никакой, успѣхъ вѣрный.

Народу нужна земля — отдайте ему всю землю. У чтобъ не раззорить собственниковъ *мнимымъ* выкупомъ, пусть выкупается она не крестьянами, а цѣлымъ государствомъ. Народу нужна воля, полная воля движенія, занятій... Такъ дайте ему эту волю, избавьте его изъ подъ опеки правительственной, которая его всегда угнетала да раззоряла, избавьте его отъ чиновниковъ, которыхъ онъ ненавидитъ, на равнѣ съ дворянами. Дайте ему полное самоуправленіе общинное, волостное, областное и государственное. Народу ненавистны сословія, созданныя вашими прадѣдами для притѣсненія народа; такъ уничтожьте эти сословія, которыя сами теперь готовы отказаться отъ всѣхъ своихъ преимуществъ, отчасти потому, что преимущества эти стали ничтожны, отчасти по благородному побужденію, отчасти-же отъ страха. Пусть будетъ въ Россіи одинъ нераздѣльный народъ. И не бойтесь, онъ будетъ въ состояніи самъ собою управляться. Народъ знаетъ своихъ людей, и въ этихъ людяхъ, повѣрьте, болѣе

дѣльнаго смысла, чѣмъ во взросшемъ въ блудномъ бездѣліи дворянствѣ. Не бойтесь также, что черезъ областное самоуправленіе разорвется связь провинцій между собою, рушится единство русской земли. Вѣдь автономія провинцій будетъ только административная, внутреннезаконодательная, юридическая, а не политическая. И ни въ одной странѣ, исключая можетъ быть Франціи, нѣтъ въ народѣ такаго смысла единства, строя, государственной цѣлости и величія народнаго, какъ въ Россіи. Только во Франціи присоединяется къ этому страсть бюрократическая; въ Россіи ея нѣтъ. Чиновникъ противенъ народу, а бюрократическая централизація необходимымъ насиліемъ своимъ только отталкиваетъ его отъ единства; и только тогда воцарится дѣйствительная, вольная цѣлость въ русской землѣ, когда чиновническое управленіе замѣнится въ ней самоуправленіемъ народнымъ. Единство земли русской, находившее доселѣ свое выраженіе только въ царѣ, требуетъ теперь еще другаго представительства: *Всенароднаго Земскаго Собора.*

Говорятъ, что въ Петербургѣ боятся пуще всего Земской Думы; опасаются, что съ нею

начнется революція въ Россіи. Да неужели-же тамъ въ самомъ дѣлѣ не понимаютъ, что революція давно началась? Пусть посмотрятъ вокругъ себя, въ самихъ себя, пусть сравнятъ свое настроеніе духа съ тѣмъ, что̀ чувствовалось правительствомъ при императорѣ Николаѣ,—и пусть скажутъ: развѣ это не коренная и не полная революція? Вы слѣпы, это правда. Но неужели слѣпота ваша дошла до той степени, что вы думаете—можно воротиться назадъ или отдѣлаться шутками? И такъ не въ томъ вопросъ, будетъ-ли или не будетъ революція, а въ томъ: *будетъ-ли исходъ ея мирный или кровавый?* Онъ будетъ мирный и благодатный, если царь, ставъ во главѣ движенія народнаго, вмѣстѣ съ земскимъ соборомъ, приступитъ широко и рѣшительно къ коренному преобразованію Россіи въ духѣ свободы и земства. Ну, а если ослѣпленный царь задумаетъ идти вспять, или остановится на полумѣрахъ, или станетъ искать спасенія въ Липранди,—исходъ будетъ ужасный. Тогда революція приметъ характеръ безпощадной рѣзни, не вслѣдствіе прокламацій и заговоровъ восторженной молодежи, а вслѣдствіе возстанія всенароднаго.

На Александрѣ Николаевичѣ лежитъ теперь отвѣтственность страшная. Онъ можетъ еще спасти Россію отъ конечнаго раззоренія, отъ крови. Сдѣлаетъ-ли онъ? Захочетъ-ли онъ?

Безъ Собора Земскаго онъ не сдѣлаетъ ничего. Только Земскій Соборъ способенъ умиротворить Россію, возстановить кредитъ публичный и частный, устроить и обезпечить выкупъ земли и возвратить потрясенному обществу спокойствіе и вѣру. А самодержавіе! скажете вы.—Да развѣ оно дѣйствительно существуетъ? Это капризъ, вчера Панина, сегодня Головнина, завтра Липранди. Это безконтрольное право на зло, немощь на добро,—право быть пассивнымъ и далеко непочетнымъ орудіемъ въ рукахъ лакеевъ придворныхъ, министерскихъ и канцелярскихъ,—право чуждаться Россіи, не знать ее, мутить ее,—право ввергнуть ее въ кровавую революцію.

Ну, а если Земскій Соборъ будетъ враждебенъ царю?—Да, возможно-ли это! Вѣдь посылать на него своихъ выборныхъ будетъ народъ, до сихъ поръ еще безгранично въ царя вѣрующій, всего отъ него ожидающій. Откуда-жъ взяться враждѣ? Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что

еслибъ царь созвалъ *теперь* Земскій Соборъ, онъ *впервые* увидѣлъ-бы себя окруженнымъ людьми, дѣйствительно ему преданными. Продолжись безурядица еще нѣсколько лѣтъ, расположеніе народа можетъ перемѣниться. Въ наше время быстро живется. Но теперь народъ за царя и противъ дворянства, и противъ чиновничества, и противъ всего, что носитъ нѣмецкое платье. Для него всѣ враги въ этомъ лагерѣ офиціальной Россіи, всѣ—кромѣ царя. Кто-жъ станетъ говорить ему противъ царя? А еслибъ кто и сталъ говорить, развѣ народъ ему повѣритъ? Не царь - ли освободилъ крестьянъ противъ воли дворянъ, противъ совокупнаго желанія чиновничества?

Разочаровать народъ, потрясти его вѣру въ царя можетъ только самъ царь. Вотъ гдѣ опасность и, можетъ быть, главная причина того паническаго страха, который ощущаютъ въ Петербургѣ при одномъ словѣ: "Земскій Соборъ." И въ самомъ дѣлѣ, послѣ двухсотлѣтняго отчужденія, русскій народъ, черезъ своихъ представителей, въ первый разъ встрѣтится лицомъ къ лицу съ своимъ царемъ. Минута рѣшительная, минута въ высшей сте-

пени критическая! Какъ понравятся они другъ другу? Отъ этой встрѣчи будетъ зависѣть вся будущность и царей и Россіи.

Двѣсти лѣтъ стоналъ русскій народъ подъ гнетомъ Московско-Петербургскаго государства и переносилъ такія тягости, такія терзанія, такія мытарства, какихъ иноземецъ себѣ представить не можетъ. Прямою причиною всѣхъ бѣдствій его были цари. Они, позабывъ клятву своего родоначальника, народнаго избранника Михаила Романова, создали эту чудовищную самодержавную централизацію и окрестили ее въ народной крови. Они образовали народу противныя касты, и духовную и чиновно-дворянскую, какъ орудія для губительнаго самовластія, и отдали имъ народъ, однимъ въ духовное, другимъ въ тѣлесное рабство. Ихъ силою, волею, ихъ прямымъ покровительствомъ держались единственно и буйный произволъ полудикаго дворянина и притѣснительное варварство чиновниковъ. Цари, до самой послѣдней минуты, смотрѣли на русскій народъ съ презрѣніемъ горшечника къ глинѣ, какъ на бездушный матеріалъ, обязанный принять по ихъ произволу любую форму. Въ концѣ царство-

ванія Николая, одинъ генералъ изъ нѣмцевъ, говорилъ полковому командиру образцоваго полка, принявшему партію несчастныхъ мужиковъ - рекрутъ : " Вы мнѣ хоть половину изъ нихъ убейте, но чтобъ другая была за то вымуштрована на славу." И что̀ нѣмецъ осмѣлился высказать громко, другіе дѣлали въ тихомолку. Жизнь простаго человѣка, крестьянина, мѣщанина, была нипочемъ. Система царская истребила такимъ образомъ въ продолженіи какихъ - нибудь двухсотъ лѣтъ далеко болѣе милліона человѣческихъ жертвъ,—такъ, безъ всякой нужды, просто вслѣдствіе какого - то скотскаго пренебреженія къ человѣческому праву и къ человѣческой жизни. И въ то время, когда дикое, раззоренное въ пухъ дворянство сорило народными деньгами, не менѣе блудные, не менѣе дикіе и безъ сомнѣнія болѣе виновные цари наши сорили людьми.

Но фактъ замѣчительный ! Русскій народъ, хоть и главная жертва царизма, не потерялъ вѣры въ царя. Бѣды свои онъ приписываетъ кому и чему вамъ угодно, и помѣщикамъ и чиновникамъ и попамъ, только отнюдь не царю. Есть, правда, секты въ расколѣ, пере-

ставшія за него молиться; есть другія тайно ненавидящія царскую власть. Но это отрицаніе, хоть выработавшееся въ средѣ народа, далеко не выражаетъ народное большинство, которое еще крѣпко держится своей вѣры въ царя. Здѣсь не мѣсто углубляться въ причины этаго *факта* многозначительнаго, несомнѣннаго, а для насъ особенно важнаго, потому что, рады-ли мы ему или нѣтъ, онъ обусловливаетъ непремѣнно и наше положеніе и нашу дѣятельность. Въ другомъ мѣстѣ я старался объяснить его тѣмъ, что народъ почитаетъ въ царѣ *символическое представленіе единства, величія и славы русской земли*. И думаю, что я не ошибся. Но этаго мало: другіе, болѣе христіанскіе народы, когда имъ приходится жутко, а возстаніе по какимъ-бы то ни было причинамъ кажется невозможно, ищутъ своего утѣшенія въ вознагражденіи загробномъ, въ небесномъ царѣ, на томъ свѣтѣ. Русскій народъ, по преимуществу, реальный народъ. Ему и утѣшеніе-то надо земное; земной богъ — царь, лицо впрочемъ довольно идеальное, хоть и облеченное въ плоть и въ человѣческій образъ и заключающее въ себѣ

самую злую иронію противъ царей дѣйствительныхъ. Царь—идеалъ русскаго народа, это родъ русскаго Христа, отецъ и кормилецъ народа, весь проникнутый любовью къ нему и мыслью о его благѣ. Онъ давно далъ-бы народу все что̀ нужно ему—и волю и землю. Да онъ самъ бѣдный — въ неволѣ : лиходѣи бояре да злое чиновничество вяжутъ его. Но вотъ наступитъ время, когда онъ воспрянетъ и, позвавъ народъ свой на помощь, истребитъ дворянъ и поповъ и начальство, и тогда наступитъ въ Россіи пора *золотой воли!* Вотъ, кажется, смыслъ народной вѣры въ царя. Вотъ чего онъ ждетъ отъ него въ Февралѣ или въ Мартѣ 1863 года. Вѣдь онъ, болѣе двухсотъ лѣтъ, проведенныхъ въ неизъяснимыхъ мукахъ, ждетъ слова царскаго и воскресенія ; и теперь, когда всѣ надежды, всѣ ожиданія его оживились предварительнымъ обѣщаніемъ царя, согласится-ли онъ ждать еще долѣе?—Не думаю.

Въ 1863 году быть въ Россіи страшной бѣдѣ, если царь не рѣшится созвать всенародную Земскую Думу...... И вотъ народъ пошлетъ своихъ выборныхъ къ царю - избавителю. Довѣрію и преданности посланцовъ народныхъ

къ царю не будетъ предѣловъ,—и, опираясь на нихъ, встрѣтивъ ихъ съ равною вѣрою и любовью, и рѣшившись дать добровольно народу то, чего нынѣ нельзя уже болѣе удержать отъ него, царь могъ-бы поставить свой тронъ такъ высоко и такъ крѣпко, какъ онъ еще никогда не стоялъ. Но что, если вмѣсто царя избавителя, царя земскаго, народные посланцы встрѣтятъ въ немъ петербургскаго императора въ прусскомъ мундирѣ, тѣсносердечнаго нѣмца, окруженнаго синклитомъ такихъ-же нѣмцовъ? Что, если вмѣсто ожидаемой свободы, царь не дастъ ему ничего, или почти ничего, и захочетъ отдѣлаться отъ народа словами да полумѣрами? Ну, тогда не сдобровать и царизму, по крайней мѣрѣ императорству петербургскому, нѣмецкому, гольштейнъ-готорнскому! Вѣдь привязанность народа къ царю не придворная, не холопская, а религiозная. И религiя народа не небесная, а земная, жаждущая, требующая удовлетворенiя себѣ на землѣ. Въ общемъ чувствѣ народномъ обѣтованный часъ исполненiя, кажется, насталъ, и народъ не дастъ ему пройти даромъ. Тогда опять кровавая революцiя.

Но если бы въ этотъ роковой моментъ,

когда для цѣлой Россіи будетъ рѣшаться вопросъ о жизни и смерти, о мирѣ и крови, царь земскій, предсталъ передъ всенародный соборъ, царь добрый, царь правдивый, любящій Россію болѣе себя и довѣряющій широко любви народной, готовый устроить народъ по волѣ его, чего-бы не могъ онъ сдѣлать съ такимъ народомъ! Кто смѣлъ-бы возстать противъ него? И миръ и вѣра возстановились-бы какъ чудомъ, и деньги нашлисьбы, и все бы устроилось просто, естественно, для всѣхъ безобидно, для всѣхъ привольно... Руководимый такимъ царемъ, Земскій Соборъ создалъ-бы новую Россію на основаніяхъ вольныхъ, широкихъ, безъ потрясеній, безъ жертвъ, даже безъ усиленной борьбы и безъ шума; потому что воля и нужды народа—ясны, потому что въ немъ выработался умъ крѣпкій и здоровый зародышъ будущей организаціи,—и потому что злой умыселъ и никакая враждебная сила не были-бы въ состояніи бороться противъ соединеннаго могущества царя и народа.

Есть-ли надежда, что такой союзъ состоится? Мы скажемъ прямо, что нѣтъ. Не смотря на несомнѣнную преданность народа къ царю,

царь видимымъ образомъ боится его. Боится потому, что не любитъ его, потому что не хочетъ поступиться передъ нимъ своею нѣмецкою важностью, своимъ мелкимъ императорскимъ произволомъ, и потому что чувствуетъ вѣроятно, что съ этимъ народомъ шутить нельзя. Но можетъ быть, онъ рѣшился бы еще довѣриться народу въ надеждѣ на его слѣпую привязанность, еслибъ онъ не боялся пуще всего вліянія передовой, революціонной молодежи. Страхъ въ настоящее время еще совершенно напрасный! Какъ ни горько сознаться въ этомъ, но я думаю, что для будущаго успѣха самаго революціонернаго дѣла мы должны громко высказать то убѣжденіе, что до сихъ поръ вліяніе нашей партіи на народъ было близко къ нулю. Революціонерная пропаганда еще не нашла къ нему доступа и не умѣла еще потрясти его безумной, его несчастной вѣры въ царя. Никогда еще не чувствовался такъ сильно разрывъ, существующій между народомъ и нами, и никто изъ насъ не перешелъ еще черезъ пропасть, отдѣляющую насъ отъ него. Мы готовы жить его жизнью, его мыслью, но онъ насъ не знаетъ, и пошелъ бы

безъ сомнѣнія противъ насъ, за царя, потому что и его онъ также не знаетъ..... И такъ, если вы хотите встрѣтиться съ народомъ свободнымъ отъ нашихъ вліяній, сзывайте его теперь. Ну, а если пропустите время, то пожалуй наша передовая молодежь, наша надежда и наша сила, пробьетъ себѣ наконецъ дорогу къ народу и черезъ роковую пропасть подастъ ему руку. Вина будетъ ваша.

И почему молодежь не за васъ, а вся молодежь противъ васъ? Вѣдь это для васъ большое несчастіе; — несчастіе потому, что молодежь уже сама по себѣ составляетъ и право и силу, особенно когда, не заключаясь въ себѣ, собой суетно недовольствуясь, она стремительно, страстно рвется въ народъ, къ службѣ народной. Для такой молодежи нѣтъ непреоборимыхъ препятствій. Народъ, самъ молодой и самъ страстный, рано или поздно признаетъ ее. Почему-жъ она противъ васъ? Недавно умершій предводитель демократической партіи въ Соединенныхъ Штатахъ, полковникъ Дугласъ, во время послѣднихъ президентскихъ выборовъ, сказалъ одному изъ своихъ друзей: "Наше дѣло потеряно, молодежь противъ насъ!"—

Глубокое слово! Молодежь, какъ народъ, живетъ болѣе инстинктомъ, а инстинктъ всегда тянетъ ее на сторону жизни, на сторону правды..... Съ нею побѣда. Она можетъ ошибаться въ мысляхъ, или вѣрнѣе, въ выраженіи мыслей своихъ,—въ чувствѣ она ошибается рѣдко. А чувство нашей молодежи, всею энергіею своею, отталкиваетъ ее отъ васъ. Вы, господа доктринеры всякаго рода, ее ненавидите, какъ вообще не любятъ ея школьные учители, которые чувствуютъ, что она въ правѣ надъ ними смѣяться. Она бѣжитъ васъ, потому что пахнетъ отъ васъ фарисейскимъ педантствомъ, ложью и смертью; а ей прежде всего надо жизни, воли да правды. Но почему отстала она отъ царя, почему объявила себя противъ того, кто первый объявилъ свободу народу?

Никто не посмѣетъ упрекнуть ее въ эгоизмѣ. Она рукоплескала освобожденію крестьянъ и готова теперь отдать все, начиная съ себя, для того только, чтобъ русскій народъ былъ свободенъ. Не увлеклась ли она отвлеченными революціонерными идеалами и громкимъ словомъ "республика"? Отчасти пожалуй и такъ. Но это только весьма поверхностная и

второстепенная причина. Большинство нашей передовой молодежи, кажется, хорошо понимаетъ, что западныя абстракціи, консервативныя-ли, либерально-буржуазныя, или даже демократическія, къ нашему русскому движенію не примѣнимы;—что оно—безъ сомнѣнія—и демократическое и въ высшей степени соціальное, но что оно развивается вмѣстѣ съ тѣмъ при условіяхъ, совершенно различныхъ отъ тѣхъ, при которыхъ совершались подобныя же движенія на Западѣ. И первое изъ условій—то, что оно не есть главнымъ образомъ движеніе образованной и привиллегированной части Россіи. Таковымъ было оно во времена Декабристовъ. Теперь главную роль въ немъ будетъ играть народъ. Онъ есть главная цѣль и единая, настоящая сила всего движенія. Молодежъ понимаетъ, что жить внѣ народа становится дѣломъ невозможнымъ, и что кто хочетъ жить, долженъ жить для него. Въ немъ одномъ жизнь и будущность, внѣ его мертвый міръ. Но этотъ народъ выступаетъ на сцену не какъ листъ бѣлой бумаги, на которомъ всякій по произволу можетъ записать свои любимыя мысли. Нѣтъ, листъ этотъ ужъ частью исписанъ и хоть оста-

лось на немъ еще много, много бѣлаго мѣста, допишетъ его самъ народъ. Никому не можетъ онъ поручить этого дѣла, потому что никто въ образованномъ русскомъ мірѣ не жилъ еще его жизнью. Русскій народъ движется не по отвлеченнымъ принципамъ, онъ не читаетъ ни иностранныхъ, ни русскихъ книгъ, онъ чуждъ западнымъ идеаламъ, и всѣ попытки доктринаризма консервативнаго, либеральнаго даже революціонернаго, подчинить его своему направленію будутъ напрасны. Да, ни для кого и ни для чего не отступится онъ отъ *своей* жизни. А жилъ онъ много, потому что страдалъ много. Не смотря на страшное давленіе императорской системы, даже въ продолженіе этого двухвѣковаго нѣмецкаго отрицанія, онъ имѣлъ свою внутреннюю живую исторію. У него выработались свои идеалы, и составляетъ онъ въ настоящее время могучій, своеобразный, крѣпко въ себѣ заключенный и сплоченный міръ, дышащій весеннею свѣжестью — и чувствуется въ немъ стремительное движеніе впередъ. Наступило, кажется, его время; онъ просится наружу, на свѣтъ, хочетъ сказать свое слово и начать свое явное дѣло.

Мы вѣримъ въ его будущность, надѣясь, что, свободный отъ закоренѣлыхъ и на Западѣ въ законъ обратившихся предразсудковъ религіозныхъ, политическихъ, юридическихъ и соціальныхъ, онъ въ исторію внесетъ новыя начала и создастъ цивилизацію иную : и новую вѣру, и новое право, и новую жизнь.

Передъ этимъ великимъ, серьезнымъ и даже грознымъ лицомъ народа нельзя дурачиться. Молодежь оставитъ смѣшную и противную роль непрошеныхъ школьныхъ учителей мертвецамъ московской и с.-петербургской привилегированной журналистики. Ей самой предстоитъ подвигъ другой, не учительскій, а очистительный, *подвигъ сближенія и примиренія съ народомъ*. Вѣдь она почти вся, по своему происхожденію, образованію, по привычкамъ жизни и мысли, наконецъ по всѣмъ общественнымъ отношеніямъ своимъ, стоитъ внѣ народа, принадлежа къ тому привиллегированному оффиціальному міру, который народъ не безъ причины ненавидитъ, видя въ немъ главный источникъ всѣхъ своихъ бѣдствій. Стремленія ея чисты и благородны ; она сама ненавидитъ исключительность своего положенія

и готова жертвовать всѣмъ народу, лишь бы только онъ принялъ ее въ свое общеніе. Но народъ не знаетъ ея, и судя ее по платью, по языку, а главное по жизни, столь различной отъ его жизни, принимаетъ ее за врага. Гдѣжъ тутъ учительствовать! Развѣ безъ вѣры и доброй воли учащагося ученіе возможно? Да наконецъ чему мы станемъ учить? Вѣдь если оставимъ естественныя и математическія науки въ сторонѣ, послѣднимъ словомъ всей нашей премудрости будетъ отрицаніе такъ называемыхъ непреложныхъ истинъ западнаго ученія, полное отрицаніе Запада. Но народъ нашъ Западомъ никогда не увлекался; потому ему и до отрицанія его нѣтъ никакого дѣла. А главное то, что со всею своею наукою, мы безконечно бѣднѣе народа. Народъ нашъ, пожалуй, грубъ, безграмотенъ, я не говорю—неразвитъ, потому что у него было свое историческое развитіе покрѣпче и посущественнѣе нашего; онъ никакихъ книгъ кромѣ немногихъ своихъ еще не читаетъ. Но за то въ немъ есть жизнь, есть сила, есть будущность;—онъ есть... А насъ собственно нѣтъ; наша жизнь пуста и безцѣльна. У насъ нѣтъ ни дѣла, ни поля для дѣла. И если

будущность для насъ существуетъ, такъ только въ народѣ. И такъ народъ можетъ и безъ насъ обойтись, мы безъ него не можемъ.

Безъ сомнѣнія, слившись съ народомъ, принятые народомъ, мы можемъ принесть ему много пользы. Да, мы принесемъ ему горькій опытъ неудавшейся западной жизни, которую мы вмѣстѣ съ Западомъ пережили, способность обобщенія и точнаго опредѣленія фактовъ, ясность сознанія. Знакомые съ исторіею и наученные чужимъ опытомъ, мы можемъ предохранить его отъ обмана, и помочь ему высказать его волю.—Вотъ и все. Мы принесемъ ему формы для жизни, онъ дастъ намъ жизнь. Кто дастъ больше? Разумѣется народъ, а не мы.

Вопросъ о нашемъ сближеніи съ народомъ, не для народа, а для насъ, для всей нашей дѣятельности, есть вопросъ о жизни и смерти. Сближеніе это необходимо, но оно трудно, потому что требуетъ съ нашей стороны совершеннаго перерожденія, не только внѣшняго, но и внутренняго. Борода, русское платье, жесткія руки, грубая рѣчь не составляютъ еще русскаго человѣка. Нужно, чтобъ умъ нашъ выучился понимать умъ народа, и чтобъ

наши сердца приучились бить въ одинъ тактъ съ его великимъ, но для насъ еще темнымъ сердцемъ. Мы должны видѣть въ немъ не средство, а цѣль; не смотрѣть на него какъ на матеріалъ революціи по нашимъ идеямъ, какъ на "мясо освобожденія", напротивъ смотрѣть на себя, *если онъ на то согласится*, какъ на слугъ *его* дѣла. Однимъ словомъ мы должны полюбить его пуще себя, дабы онъ насъ полюбилъ, дабы онъ намъ свое дѣло повѣрилъ.

Любить страстно, отдаваться всею душею, побѣждать громадныя трудности и препятствія, силою любви и жертвы побѣдить ожесточенное сердце народное, дѣло молодости. Вотъ гдѣ ея назначеніе! Учиться она должна у народа, а не учить. Не себя, а его возвышать и вся отдаться его дѣлу. Ну, тогда народъ признаетъ ее.

Прокламація "Молодая Россія" доказываетъ, что въ нѣкоторыхъ молодыхъ людяхъ существуетъ еще страшное самообольщеніе и совершенное непониманіе нашего критическаго положенія. Они кричатъ и рѣшаютъ, какъ будто-бы за ними стоялъ цѣлый народъ. А народъ то еще по ту сторону пропасти, и не только васъ слушать не хочетъ, но даже готовъ

избить васъ по первому мановенію царя. Чтоже,—мученичество? Да вѣдь мученичество хорошо, когда мученики дѣлаютъ дѣло. Редакторовъ "Молодой Россіи" я упрекаю въ двухъ серьезныхъ преступленіяхъ. Во-первыхъ, въ безумномъ и въ истинно-доктринерскомъ пренебреженіи къ народу; а во-вторыхъ въ нецеремонномъ, безтактномъ и легкомысленномъ обращеніи съ великимъ дѣломъ освобожденія, для успѣха котораго они между тѣмъ готовы жертвовать своею жизнью. Они, видно, такъ мало привыкли еще къ настоящему дѣйствію, что имъ все кажется, будто они вращаются въ мірѣ абстракцій. Въ теоріи все сходитъ съ рукъ. На практикѣ, особливо въ такое время какъ наше, что не полезно, то вредно. Появленіе "Молодой Россіи" причинило положительный вредъ общему дѣлу и виновниками вреда были люди, желавшіе служить ему. Безъ *дисциплины*, безъ строя, безъ скромности передъ величіемъ цѣли, мы будемъ только тѣшить враговъ нашихъ и никогда не одержимъ побѣды.

Но прокламація редакторовъ "Молодой Россіи" не можетъ быть принята за серьезное

выраженіе идей передовой молодежи. Нѣсколько смѣлыхъ юношей собрались и издали свою прокламацію..... Довольно было, чтобъ перепугать до смерти нашихъ бѣдныхъ правителей. Правда, что юноши говорятъ и объ "общемъ собраніи" и о "комитетахъ провинціальныхъ тайнаго революціонернаго общества". Но вѣдь это было сказано зря, для пущей важности, и для того чтобъ доставить лишнее впечатлѣніе черезъ чуръ впечатлительному правительству. Огромное большинство нашей молодежи принадлежитъ къ партіи народной, къ той партіи, которая поставила себѣ единою цѣлью *торжество народнаго дѣла*. Эта партія не имѣетъ предразсудковъ ни за царя, ни противъ царя, и еслибъ самъ царь, начавшій великое дѣло, не измѣнилъ впослѣдствіи народу, она бы никогда отъ царя не отстала.

И теперь было бы еще не поздно. И теперь таже самая молодежь радостно пошла бы за нимъ, лишь бы только онъ самъ шелъ во главѣ народа; не остановили бы ея никакія западно-революціонерные предразсудки, ибо гдѣ жизнь, гдѣ правда, гдѣ разрѣшеніе судебъ народа, тамъ и она. И сколько молодой и

благородной энергіи, сколько живыхъ силъ и сколько ума было бы тогда къ его услугамъ для совершенія великаго дѣла—умиротворенія и возсозданія Россіи.

Россія спокойно и твердо пошла бы широкимъ путемъ свободнаго развитія и, укрѣпившись внутри, возстановила бы скоро свое утраченное внѣшнее обаяніе. Величіе Россіи русскому народу такъ дорого, что онъ никогда отъ него не откажется. Онъ принесъ ему столько жертвъ!... Но понятно, что оно должно быть нынѣ воздвигнуто на иныхъ основаніяхъ. Богъ съ нимъ съ величьемъ петровскимъ, екатерининскимъ, николаевскимъ, обрекшимъ русскій народъ на постыдную роль палача и вмѣстѣ раба-мученика! Мы искали силы и славы, а нашли лишь безславіе, заслужили ненависть и проклятія истерзанныхъ нами народовъ, и кончили пораженіемъ и постыднымъ безсильемъ. Слава Богу! Наша двухвѣковая тюрма, петровское государство, наконецъ рушится. Никакая сила не возстановитъ его. Мы же сами подтолкнемъ его въ пропасть, и воля намъ! воля героической Польшѣ! воля Бѣлоруссіи, Литвѣ, Украйнѣ. Пусть будетъ

Польшею все, что хочетъ быть Польшею. Воля Финляндіи! воля Чухонцамъ и Латышамъ въ Остзейскихъ провинціяхъ! А нѣмцамъ пора въ Германію.

Еслибъ царь понялъ, что онъ отнынѣ долженъ быть не главою насильственной централизаціи, а главою свободной федераціи вольныхъ народовъ, то, опираясь на плотную, возрожденную силу, въ союзѣ съ Польшею и съ Украйною, разорвавъ всѣ ненавистные союзы нѣмецкіе, поднявъ смѣло всеславянское знамя, онъ сталъ бы избавителемъ Славянскаго міра!..

Мечта! скажутъ мнѣ; да, разумѣется мечта. Но мечта только потому, что въ Петербургѣ нѣтъ ни мысли, ни сердца, ни воли, и что царь нашъ, въ противность царю Давиду, ищетъ всегда короны, а находитъ корову. И еще повторимъ : ни одному царю не было дано такъ много, и ни съ однаго такъ много не спросится.

На Петербургъ надежды нѣтъ. Царь избралъ себѣ путь, гибельный для него, гибельный для Россіи. Какъ безнадежный больной онъ окружилъ себя шарлатанами,—настало время для нашихъ Некеровъ и Калонновъ. Настоящее министерство—jeune, intelligent et fort, и

подражая дружественному нынѣ правительству, хочетъ надуть Россію формами безъ содержанія: съ свободою на языкѣ оно намѣрено продолжать дѣло блуднаго произвола. Но забываютъ они только одно, что обманъ, возможный въ странѣ истощенной политическими борьбами, невозможенъ у насъ, потому что у насъ жизнь только вчера началась, страсти въ приливѣ, а не въ отливѣ, и наша трагедія еще впереди... Какъ ни умны министры, но Александръ Николаевичъ не довѣряется имъ вполнѣ. На помощь имъ, онъ позвалъ знаменитаго доктора Липранди, который лечитъ средствами героическими и безъ сомнѣнія скорѣй доведетъ до трагедіи. Большое утѣшеніе правительственнаго Петербурга теперь—это народъ и привязанность народа къ царю. Народомъ грозятъ они революціонерной молодежи. "Стоитъ только царю махнуть рукою, и студентовъ не будетъ". Да, безъ сомнѣнія не будетъ; да на другой день и дворянства въ цѣлой Россіи не будетъ, а съ дворянствомъ ляжетъ подъ топоромъ все чиновничество; вы сами голубчики, пропадете. Ну-ка попробуйте махнуть-то рукой! И останутся народъ да царь. Да что станетъ этотъ царь съ

этимъ народомъ дѣлать? Вѣдь царь-то нашъ бюрократическій, дворянскій, а не земскій. Онъ самъ утонетъ въ дворянской крови, чтобъ уступить мѣсто можетъ быть какому нибудь Пугачеву! Не попробовать-ли лучше николаевскихъ средствъ : кнута, висѣлицы, да Сибири? Средства хорошія. Но врядъ-ли они вамъ нынѣ помогутъ. *Вѣдь страхъ убитъ въ Россіи.* Нынѣ пойдутъ на лобное мѣсто, смѣясь надъ вами. Да и самымъ трусамъ нѣтъ никакого расчета пятиться предъ *вашимъ* страхомъ. Въ Россіи есть теперь страхъ, пострашнѣе,—страхъ *народнаго воздаянія.* А если придется выбирать между топоромъ или висѣлицею, такъ разумѣется, лучше пасть съ сознаніемъ высокаго подвига, чѣмъ жертвою роковаго недоразумѣнія народнаго.

У васъ есть еще одно средство—война. Война національная противъ нѣмцевъ, въ союзѣ съ Италіей и съ Франціей, пожалуй хоть за свободу славянъ, лишь-бы только русскому народу не дать свободы. Да, въ самомъ дѣлѣ, идти войною на нѣмцевъ хорошее, а главное, необходимое славянское дѣло, во всякомъ случаѣ лучше, чѣмъ поляковъ душить нѣмцамъ въ угоду.

Подняться на освобожденіе славянъ изъ подъ ига турецкаго и нѣмецкаго будетъ потребностью, необходимостью и святою обязанностью освобожденнаго русскаго народа. Но вы, враги русской и польской свободы, какую дадите вы свободу славянамъ? Или вы хотите повторить въ сотый разъ старый, постыдный обманъ? Не удовлетворивъ никого и не разрѣшивъ ничего у себя дома, на что вы будете опираться? Даже войско придется вамъ содержать на мѣлокъ, чужими субсидіями. И будете вы только служить средствомъ для цѣлей чужихъ, сами ничего не пріобрѣтете, Россію-же въ конецъ раззорите. Да можетъ быть, вы и расчитываете на ея истощеніе? Можетъ, думаете усмирить ее голодомъ? Смотрите, не ошибитесь въ расчетѣ: война не помѣшала у насъ ни пугачевщинѣ, ни новогородскому бунту.

Но напрасны всѣ ваши старанія. Ни война, ни уловки мнимо-либеральнаго министерства, ни явная реакція вамъ не помогутъ. Народъ проснулся и ждетъ своего часа, вы сами способствовали его пробужденію. Кокетничая передъ нимъ и возбуждая его противъ молодаго образованнаго поколѣнія, вы сами будите въ

немъ сознаніе силы и онъ возметъ силою то, чего вы ему добровольно дать не хотите.

Для мирнаго исхода настоящаго, неотвратимаго кризиса, средство только одно: *Земскій всенародный соборъ и на немъ разрѣшеніе земскаго народнаго дѣла.* Это средство единоспасительное въ рукахъ царя. Но онъ его употребить не хочетъ. Значитъ, онъ хочетъ крови.

Когда правители губятъ страну, частные люди должны приняться за дѣло спасенія. Всѣмъ истиннымъ консерваторамъ, имѣющимъ умъ, чтобъ понимать и предугадывать необходимыя происшествія, всѣмъ купцамъ, попамъ и дворянамъ, чиновникамъ военнымъ и гражданскимъ, любящимъ спокойствіе и миръ и желающимъ сохранить жизнь, имущество, женъ, сестеръ и дѣтей, всѣмъ, кому дороги благоденствіе и слава Россіи, я совѣтовалъ-бы объ этомъ крѣпко подумать. Вѣдь времени на свободное размышленіе осталось не много. И не худо было-бы, еслибъ они, сговорившись, составили между собою громадное консервативное общество, которое я имъ предложилъ бы назвать: "*общество для* спасенія Россіи отъ близорукости царской и отъ преступнаго министер-

скаго шарлатанства", и пусть хоромъ подымутъ они голосъ въ пользу *Земскаго Собора*, какъ единаго средства для предотвращенія кровавой разрушительной катастрофы.

А намъ, революціонерной партіи, что дѣлать? Мы также сплотимся и станемъ подъ знамя "*Народнаго дѣла*". Мы хотимъ достигнуть его *народнымъ путемъ* и не остановимся до тѣхъ поръ, пока оно не исполнится совершенно.

Мы хотимъ и желаемъ:

1. Чтобы вся земля русская была объявлена собственностью цѣлаго народа, такъ чтобъ не было ни однаго русскаго, который-бы не имѣлъ части въ русской землѣ.

2. Хотимъ самоуправленія народнаго—общиннаго, волостнаго, уѣзднаго, областнаго и наконецъ государственнаго, съ царемъ или безъ царя, все равно и какъ захочетъ народъ. Но чтобъ не было въ Россіи чиновничества и чтобъ централизація бюрократическая замѣнилась вольною областною федераціей.

3. Хотимъ, чтобъ Польшѣ, Литвѣ, Украйнѣ, Финнамъ и Латышамъ прибалтійскимъ, а также и Кавказскому краю была возвращена полная свобода и право распорядиться собою и устроить-

ся по своему произволу, безъ всякаго съ нашей стороны вмѣшательства, прямаго или косвеннаго.

4. Хотимъ братскаго и, если будетъ возможно, федеральнаго союза съ Польшею, Литвою, Украйною, прибалтійскими жителями и съ народами Закавказскаго края. Готовы и обязаны помогать имъ противъ всякаго насилія и противъ всѣхъ внѣшнихъ враговъ, особливо-же противъ нѣмцевъ, когда они сами позовутъ насъ на помощь.

5. Вмѣстѣ съ Польшей, съ Литвой, съ Украйной, мы хотимъ подать руку помощи нашимъ братьямъ Славянамъ, томящимся нынѣ подъ гнетомъ Прусскаго королевства, Австрійской и Турецкой имперій, обязываясь не вложить меча въ ножны, пока хоть одинъ Славянинъ останется въ нѣмецкомъ, въ турецкомъ, или другомъ какомъ рабствѣ.

6. Мы будемъ искать тѣснаго союза съ *Италіей*, съ которою у насъ чувства, интересы и враги общіе,—съ *Мадьярами*, ненавидящми, какъ и мы, Австрійскую монархію, если только они совершенно откажутся отъ притѣсненія Славянъ,—съ *Румынами* и даже съ *Греками*, когда послѣдніе оставятъ въ покоѣ Булгаръ, и

довольствуясь быть собою, забудутъ свои честолюбивыя и свободопротивныя, а главное, суетныя византiйскiя мечты.

7. Мы будемъ стремиться, вмѣстѣ со всѣми племенами Славянскими, къ осуществленiю завѣтной Славянской мечты: къ созданiю *Великой и вольной федерацiи Всеславянской*, гдѣ каждый народъ, великъ или малъ, будетъ вмѣстѣ и вольнымъ и братски съ другими народами связаннымъ членомъ: чтобъ каждый стоялъ за всѣхъ, и всѣ за каждаго, и чтобъ не было въ братскомъ союзѣ особенныхъ государственныхъ силъ, чтобъ не было ничьей гегемонiи, но чтобъ существовала единая и нераздѣльная общеславянская сила.

Вотъ широкая программа дѣла Славянскаго, вотъ необходимое послѣднее слово народно-русскаго дѣла. Этому-то дѣлу мы посвятили всю жизнь свою.

Теперь съ кѣмъ, куда и за кѣмъ мы пойдемъ? Куда? мы сказали. Съ кѣмъ? мы также сказали: разумѣется ни съ кѣмъ другимъ, какъ съ народомъ. Но за кѣмъ? За Романовымъ, за Пугачевымъ или если новый Пестель найдется, за нимъ?

Скажемъ правду; мы охотнѣе всего пошли-бъ

за Романовымъ, еслибъ Романовъ могъ и хотѣлъ превратиться изъ петербургскаго императора въ царя земскаго. Мы потому охотно стали-бы подъ его знаменемъ, что самъ народъ русскій его еще признаетъ, и что сила его создана, готова на дѣло, и могла-бы сдѣлаться непобѣдимою силою, еслибъ онъ далъ ей только крещеніе народное. Мы еще потому пошли-бы за нимъ, что онъ *одинъ* можетъ совершить и окончить великую мирную революцію, не проливъ ни одной капли русской или славянской крови. Кровавыя революціи, благодаря людской глупости, становятся иногда необходимыми, но все таки онѣ зло, великое зло и большое несчастіе, не только въ отношеніи къ жертвамъ своимъ, но и въ отношеніи къ чистотѣ и къ полнотѣ достиженія той цѣли, для которой онѣ совершаются. Мы видѣли это на революціи французской.

Итакъ отношеніе наше къ Романову ясно. Мы не враги и не друзья его, мы друзья народно-русскаго, славянскаго дѣла. Если царь во главѣ его, мы за нимъ. Но когда онъ пойдетъ противъ него, мы будемъ его врагами. Поэтому весь вопросъ состоитъ въ томъ:

хочетъ-ли онъ быть русскимъ земскимъ царемъ Романовымъ, или Голштейнъ - Готорпскимъ императоромъ Петербургскимъ? хочетъ онъ служить Россіи, славянамъ или нѣмцамъ? Вопросъ этотъ скоро рѣшится, и тогда мы будемъ знать, что̀ намъ дѣлать. Ни для него и ни для кого въ мірѣ мы не отступимся ни отъ однаго пункта своей программы. И если для осуществленія ея будетъ необходима кровь, да будетъ кровь.

Мы безъ содроганія не можемъ подумать о тысячахъ жертвъ, которыя падутъ вѣроятно. Но вся тяжесть кровавой вины пусть ляжетъ тогда на единственнаго виновника, на царя, который всѣхъ можетъ спасти и, кажется, всѣхъ погубитъ. А средство спасенія и для него и для насъ только одно: идти до конца во главѣ революціи и не останавливаться на полдорогѣ. Еслибъ мы хотѣли остановить настоящую революцію, то не могли-бы; никто въ мірѣ не можетъ. А если бы могли, то не хотѣли-бы, потому что она необходима для освобожденія нашего народа, для совершенія русскихъ и славянскихъ судебъ.

Если царь измѣнитъ Россіи, Россія будетъ повергнута въ кровавыя бѣдствія. Что будетъ,

какую форму приметъ движеніе, кто станетъ во главѣ его? Самозванецъ-царь, Пугачевъ, или новый Пестель-диктаторъ? Предугадать теперь невозможно. Если Пугачевъ, то дай Богъ, чтобъ въ немъ нашелся политическій геній Пестеля, потому что безъ него онъ утопитъ Россію и пожалуй всю будущность Россіи въ крови. Если Пестель, то пусть будетъ онъ человѣкомъ народнымъ, какъ Пугачевъ, ибо иначе его не потерпитъ народъ... А можетъ быть ни Пестель, ни Пугачевъ, ни Романовъ, а Земскій соборъ спасетъ Россію.

Предугадать нельзя ничего. Нашъ долгъ теперь крѣпко между собою сомкнуться и единодушно готовиться къ дѣлу. Поклясться другъ другу не отставать отъ народа, идти съ нимъ, покуда силъ станетъ. Времени можетъ быть осталось не много,—*употребимъ его на сближеніе съ народомъ во чтобы ни стало, дабы онъ призналъ насъ своими* и позволилъ-бы намъ спасти хоть нѣсколько жертвъ. Сойтись съ народомъ, слиться съ нимъ во единую душу и во единое тѣло—задача трудная, но для насъ неизбѣжная и неотвратимая. Иначе мы будемъ представителями не народнаго дѣла, а только своихъ

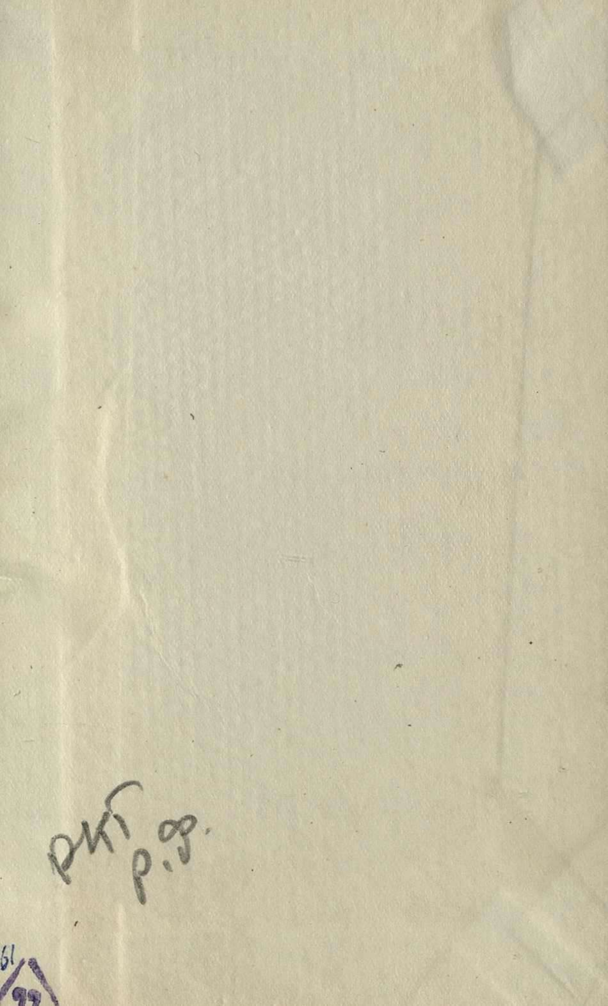
тѣсныхъ кружковыхъ интересовъ и своихъ личныхъ страстей, чуждыхъ и противныхъ народу, а потому и преступныхъ, ибо нынѣ что не служитъ исключительно дѣлу народному, то преступно. Онъ одинъ призванъ къ жизни въ Россіи, и только что съ нимъ и что за него, то лишь одно имѣетъ право на жизнь, то будетъ имѣть силу на жизнь. Внѣ его нѣтъ русской силы; и лишь только соединившись съ нимъ, мы можемъ вырваться изъ безсилія. Вотъ почему мы должны сойтись съ народомъ во чтобы ни стало. Важнѣе этого, для насъ нѣтъ теперь другаго вопроса.

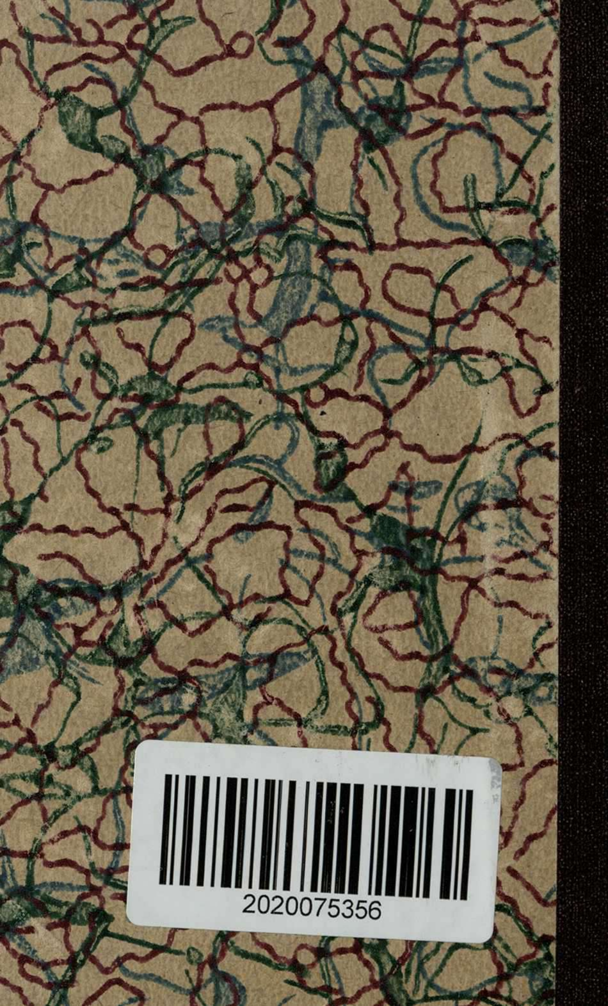
Какъ съ нимъ сойтись? Путь къ достиженію цѣли одинъ: *искренность*, *правда*. Если вы не обманываете ни его, ни себя, когда говорите о своихъ стремленіяхъ къ народу, то вы найдете дорогу въ душу и въ вѣру его. Любите народъ, онъ васъ полюбитъ, живите съ нимъ и онъ пойдетъ за вами, и вы будете сильны его силою. Народъ нашъ уменъ, онъ скоро узнаетъ своихъ друзей, когда у него будутъ друзья *дѣйствительные*. Формулировать общее правило, извѣстный пріемъ для сближенія съ народомъ нѣтъ возможности: все это было-бы

мертво и сухо, потому что было-бы ложно. Живое дѣло должно вытекать изъ живаго ума и изъ живаго сердца.

Васъ много и вы разсѣяны по всей русской землѣ. Пусть каждый изъ васъ, служа общему дѣлу, идетъ къ народу по своему, но пусть каждый идетъ прямо и искренно, безъ хитрости, безъ обмана, пусть каждый несетъ въ даръ ему и весь умъ и все сердце, и чистую, крѣпкую волю служить ему. Пусть каждый свяжетъ судьбу свою съ его судьбою. Пусть каждый молодой человѣкъ перевоспитаетъ себя въ средѣ народной.... И вы сдѣлаетесь тогда, безъ сомнѣнія, людьми народными.

Подвигъ не легкій, но за то высокій и стоющій жертвъ: подвигъ повиванія новорождающагося русскаго міра! Кому онъ кажется противенъ, тотъ лучше не берись за русское дѣло. Для того есть пріютъ подъ знаменемъ доктринеровъ. Путь нашъ труденъ. Отсталыхъ, испуганныхъ и усталыхъ будетъ еще много... Но мы друзья выдержимъ до конца и безбоязненно твердымъ шагомъ пойдемъ къ народу, а тамъ когда съ нимъ сойдемся, помчимся вмѣстѣ съ нимъ, куда вынесетъ буря.

2020075356